

Анна Гутиева

38 лет, писатель, психолог и редактор. Работает с начинающими и издаваемыми авторами как редактор и наставник. Исследует природу творчества и творческих возможностей человека. Пишет как художественную прозу для детей и взрослых, так и нон-фикшн-книги по писательству и психологии. Под редакцией А. Гутиевой выходили книги в издательствах «ИД Городец», «Редакция Елены Шубиной», «Эксмо», «Нигма». Номинатор «Нацбест-2020».

Мастер текста в Писательской академии Антона Чижана. Ведет блоги для писателей с упором на общезначимые смыслы, глубокое исследование конфликтов времени и цели человека как такового.

Русскость

Статейка попалась мне дрянная, знаете, из того разряда, когда вроде правду хочет сказать человек, только к правде ложь примешает – и вот уже дрянь дрянью вышла его правда. Говорит человек, что русскость равно дикость и душевная истерия, мол, только на границе смерти любят русские бравировать жизнью, в экстазе сентиментальность проявлять и геройством, точнее, агрессией наслаждаться, а сонливую буржуйскую жизнь не уважают, разрушители и агрессоры. Правду ведь сказал, только с эдакой усмешечкой, что вышло так, будто правдой его вырвало. Сам-то русский, но косится в сторону бургеров – вон цивилизация, комфорт, сытость и законы крепкие, не то что у этих экзальтированных высшими смыслами на границе со смертью – русских. Русский, как было сказано где-то, – это прилагательное, потому что как русский – он любой национальности, так что необъятно получается.

Сложно русскому принять свою природу – расцветает жизнь русского на сломе эпох, в революции, в завоеваниях, в великих идеях, ради которых можно жизнью, и прежде всего своей жизнью, жертвовать, в исступлении, в самоотречении, в жертвенности и в служении высшему, чем бы высшее ни было. И цветет жизнь именно что на пороге смерти, надо русскому, чтобы смерть за спиной стояла. А в спокойные годы без указания будущего – царства ли Божия, светлой звезды коммунизма, победы ли над фашизмом, полета в космические дали – разлагается русский в пьянь, глупь и хмарь.

Ни один обыватель с мещанской психологией комфорта и личного успеха, ни один цивилизованный человек со сводом законов и страхом перед миром не станет хвалиться подобным характером. Сам русский не станет хвалиться

ся, потому что себя боится, а чаще и осознать себя не может, потому что более всего желает убежать от такой судьбы в комфорт, и успех, и цивилизацию, уже кем-то отстроенную, и все равно еще куда – подальше бы из себя выскочить.

Но скажи, что таков вот национальный типаж, – и открестятся все, накидают в ответ слов в полтонны, что всё это – выдумки, вот я – нормальный бюргер и я – мещанин комфортный. Потому что и правда странно выглядит описание, в сытые и разнеженные годы совсем уж таких революционных характеров не видать, так, если на окраине общества какой проклянется, его в сторонку лакированной туфлей отодвинут и сделают вид, что нет такого. Если революционер с пафосным звучанием вдруг и всколыхнется в обывательских кругах, то промолчат люди, вроде как неприличное что сделал человек. Тоже русские, между прочим. Наградят истериком и поморщатся.

Зато если война или волнение, народ затрагивающее, таких пламенных людей в разы больше становится. Настолько больше, что внезапно большинство. В такие периоды очень опасное сообщество образуется, и смерть стоит у него за спиной, так что остальные сообщества мировые чувствуют это инстинктом сохранения своих сытых систем и ненавидят древнюю неуправляемую, мистическую силу русского человека. Как ненавидят эту невнятную силу обыватели в том, кто кричит: идите вперед, в высшие дали, ваша буржуйская жизнь есть разложение и смрад. Как ненавидит в себе ее сам русский – эту тоску его по неизведанному, требующую, истязавшую его изнутри. Ах, как хочется русскому не быть русским – неудобно, жжется и колется. Но порой как ударит что-то изнутри волной – и враз почувствует гордость за себя, словно его источником правды изпод земли опьянило.

Всё труднее русскость дается современным жителям России. Вот у нас уже и Бога отменили, и ад отменили,

и космос вроде обыденности стал – как в Турцию слетать, один бургерский успех оставили. Ляпнешь в запале про мистические корни, про дух божественный, про исток жизни, про правду – засмеют, скажут: сказки тут мы и сами рассказать сумеем, фэнтезийно закрутим и продадим подороже. И психологически не закрутить – не обосновать эту мысль, если еще в двадцатом веке великие психотерапевты говорили об архетипическом, о пиковых переживаниях, о проникновении в родовую память, то сегодня психология в основном о границах и комфорте печется, и даже в искусстве напрочь отрицается, или даже так – с пренебрежением отпинывается всё это экзальтированно-возвышенное. Только что уж тут ходить вокруг да около, так и брякнем: есть это мистическое, архетипическое, глубинное и духовное в человеческой природе. Сама жажда Бога и неизведанных далей – потребность психологическая, а не абстрактная. Может, на сытый желудок оно и не заходит, но когда петух клюнет, то тут уж не до раздумий – оно само просыпается и горит в душе так, что разодрать грудь хочется и идти в самое пекло. Только мы всего этого не чувствуем, пока сидим в интернете, пока ходим по расписанию современной жизни, пока бегаем по психотерапевтам, чтобы душу вылечили и душой бы нам не мучиться. Нет в сегодняшней жизни места удивительному, глубокому, возвышенному, древнему, тайному. Расцвет русскости, как уже было сказано, вот в тех далях и совершается, а раз места нет, то и русскости места уже давно нет.

Может, и молодежь потому на Запад перекошена. А вот случился мировой слом, русскость восстала из недр земли, и крик-то стоит всем мировым сообществом: русский ужас, русский кошмар, уничтожить, запретить. И сами русские испугались себя, привыкли за столько десятилетий погони за успехом, мягким диваном и ничегонеделанием нерусскими существовать, стыдятся, убегают. Но это по мелочи

застыдились которые, большинство же все-таки силу свою почуяли. Но за миром остальным смешно наблюдать: в панике руками машут, глаза пучат – а как, если русскость самое себя поймет и одобрит, а если русскость возьмет какую идею в руки и взмахнет ею, как флагом над миром, – то-то они запретили идейно мыслить, знают нас получше нашего, а если русскость перестанет стыдиться своей природы особой, на подвиги, на служение высшим целям заточенной, и как начнет в полную мощь жить. Страшно.

Но закон человеческий прост. Пока годы сытые, мистиков, пророков мы юродивыми будем называть. Но когда годы злые, когда смерть ходит рядом, мы будем носить их на руках и считать святыми. Психология революционного характера и психология эволюционного не сойдутся никогда и ни в чем, это две силы мира, у которых нет точки примирения. Ты, русский, знай свою долю, чти свою землю, смело бери свою участь и не бойся великих целей. Питают тебя кровь и земля сотен народов, и каждый из них – русский, из каждого вырос ты. Бог с тобой, русский человек.

Иррациональная сила произведений искусства *Эссе*

Исследуя творческие процессы, мыслители отмечали разницу между творчеством, воспроизводящим реальность, и творчеством «визионерским» (определение К. Г. Юнга), которое происходит через сложный и до сих пор не объяснимый комплекс надличностных переживаний: вдохновение, интуиция, озарение, предвидение.

Я бы назвала такое творчество «со-творчеством» мира, потому что в его процессе создаются и преобразуются смыслы. В психологии творчества такой вид творчества связан с интуицией, определений которой множество, но природа

которой остается загадкой, так как интуиция – это скрытый от сознания процесс постижения мира. Я буду использовать термин «интуиция» как объяснение процессов постижения мира в его целостности и глубине через внезапные вспышки предвидения, в необъяснимом озарении сути мировых закономерностей; постижения, не являющегося результатом логических рассуждений и исследований, не опирающегося на доказательную базу, но являющегося при этом верным суждением (я обобщаю в этом определении множественные исследования по психологии творчества).

Творчество через интуитивное постижение порождает произведения искусства, которые становятся частью мировой культуры. Но интуиция, конечно же, действует и в более мелких масштабах, ее проявления знакомы обширному числу творцов. Также визионерский тип творчества связан с вдохновением как особым состоянием сознания, состоянием наполненности, активации сознательных и бессознательных процессов и мощного эмоционального переживания, которое простыми словами можно охарактеризовать как открытость разума и души миру – внешнему и внутреннему.

Наша задача – узнать и расширить возможности своей души, чтобы испытать невероятные ощущения жизни, ведущие нас за пределы познанного, что в конечном счете изменит и углубит наше творчество. Практически ни одна другая деятельность человека не ведет личность к настолько значительным переживаниям, поднимающим над собственной ограниченностью психикой, обстоятельствами и эпохой. Здесь сливаются воедино интеллектуальное и эмоциональное, сознательное и бессознательное, личностное и внеличностное, сама жизнь и отстранение от жизни. Невозможно не жаждать испытать подобное, а если испытал, то невозможно не подсесть на процесс творчества, чтобы испытывать это вновь и вновь, как свидетельствуют дневники и высказывания великих творцов всех эпох.

Итак, интуитивное постижение лежит в сфере иррационального, а проникнуть в иррациональное разумом мы не можем, и путь у нас один – эмоции, эмоциональное переживание жизни. Каким же образом эмоциональное переживание связано с такими глубинными процессами, как интуиция, предвидение, озарение? Вот об этом и поговорим.

Творческая личность – это личность с максимально обостренной восприимчивостью к миру, к жизни, к людям. Творец – это хаос эмоций, сбивающих с ног; зачастую переживания настолько интенсивны, что поглощают творца, лишая его возможности заниматься повседневной работой или обязанностями. В то время как обыденного человека легко мобилизовать на каждодневную деятельность, потому что его не отвлекает переживание жизни как таковой. Для обыденного сознания жизнь – набор известных фактов, правил и понятий. Для творческого сознания жизнь – хаос, неизвестность, мучительная и манящая тайна. Для человеческой психики нестабильность – основа для психотических изменений личности. Для творческой психики нестабильность – основа для развития творческого потенциала и личности в целом.

А. Маслоу в 1960-х годах писал о том, что обучение и развитие должны идти через творчество, что всем возможно это переживание акта творения и видения мира необычайным образом. Уже в наше время, когда этим «всем» навязали возможность творить, развивать заложенный потенциал, мы получили очень нехороший результат. Очевидно стало, что творить может не каждый, даже если его с детства натаскивали на творческое мышление. Очевидно стало, что обыденному сознанию намного комфортнее в заданных рамках реальности; при всем возможном выборе такое сознание выбирает то, что привычно и соответствует реальности, всем понятным чувствам, событиям. И уже мне

видится негуманным, когда человеку, которому комфортно в рамках реальности, говорят о некоем неведомом потенциале, когда предлагают творить великое, которое создается при особых состояниях сознания; такой человек играет в творчество-отражение прежде всего самого себя, узкого опыта, который он прожил в миру; он не получает от этого никакого результата; творчество как предназначение уже не работает – не удовлетворяет. То есть человек самым откровенным образом варится в иллюзиях, буквально живет в воздушных замках и зачастую, кроме депрессии и неудовлетворенности, ничего не получает. Хотя мог бы быть счастлив в рамках своей реальности, сосредоточившись на достижимых в рамках реальности и по законам реальности целях. Такому человеку, чтобы достичь смысла в творчестве, придется сломать свою психическую структуру, разбить множество защитных механизмов психики, долго работать с сознанием. То есть стать не тем, кто он есть.

Но на деле произошло иное: сам акт творчества был разложен на технические составляющие, понятные конструкции, правила и шаблоны, по которым творить действительно может каждый. То есть не человек изменился ради того, чтобы доказать, что любой способен к творчеству, а понятие творчества подогнано под обыденное сознание. Что является масштабной проблемой в области искусства, культуры человечества.

Также понятие таланта было снижено до уровня создания форм. Если человек умеет хорошо писать или рисовать, он уже может называться талантливым. Но дело в том, что талант – это не только умение создавать форму, он включает ряд особенностей личности. И главная из них – это способность остро переживать жизнь, эмоциональная наполненность, открытость к интуитивному постижению. Такое условие внутреннего бытия ведет к удивительному процессу – интуитивному озарению, когда творчество переста-

ет быть актом сознания и воли и становится актом связи с процессами глубинными или надличностными – называйте как хотите, – суть которых в том, что через творца начинает говорить нечто большее, нежели он сам. Это отмечали все великие люди, словно отрециваясь от результатов своего творчества, утверждая, что не они сами создавали, а нечто создавало через них. **Талант не есть способность к созданию формы, но есть способность глубокого переживания жизни до такой степени, что жизнь обретает новую форму в произведении творца.**

Приходится признать тот факт, что люди рождаются с врожденными механизмами проживания жизни. Одни словно без кожи впитывают жизнь, не видя в человеческом существовании законченного результата, а значит, выискивая возможности для его трансформации; другие отлично функционируют в рамках реальности по заданным схемам, даже если это схемы творчества. Разный тип психики, как встроенный механизм.

Из-за того что само творчество было изменено под обыденную психологию, в мировом масштабе мы наблюдаем нарушение баланса сил. Творческая психология уходит в теневую область человечества: уже долгое время в информационном пространстве постулируется обесценивание самых важных для творчества элементов: вдохновения, озарения, интуиции, нестабильности психики творца, предвидения, ответственности перед обществом. Великих творческих людей судят по их личной жизни, как обычных людей. Потому что, получив творчество в обыденное пользование, обыденный тип старается низвести его сакральность, принадлежность избранным, непостижимость к уровню обывателя. Огромное количество так называемых творцов возмущаются перечисленными вещами и получают значительную поддержку всего общества. А мы в итоге получаем абсурдный мир, в котором в сферу творческую,

недоступную подавляющему большинству, влезла целая толпа и «творит» культуру эпохи.

Об этом я говорю, с тем чтобы вывести из коллективного сознания понятие новой нормы.

Эта толпа – творцы-в-рамках-реальности – штампуют не столько саму реальность, усиливая ее рамки, усугубляя ее стереотипы, умножая ее воздействие, сколько уже другие произведения, повторяя одно и то же. Творчества, которое, по сути, всегда открытие, видоизменение реальности, не происходит. Мыслители, психологи, творческие деятели, эзотерики выстраивают логическую систему, обосновывающую эту ситуацию; они заняты научением тому, как жить в рамках новой социальной парадигмы – парадигмы обыденного сознания. В качестве примера могу привести рецензии литературных критиков на слабые произведения, в которых научно обосновывается отсутствие важных для литературного произведения структурных моментов: картонные персонажи подаются как смелый шаг, отсутствие сюжета – как небывалый эксперимент и т. д.

Но общество идет дальше и не только нивелирует сакральность творчества, но и извращает понятие нормы. **Если из коллективного сознания убираются идеал, избранность, величие, красота, развитие – происходит движение в обратную сторону: нормой становятся низменные переживания, болезни психики, отсутствие морали, уродство; развитие оборачивается деградацией.** На уровне государств за норму принимают отклонения психики в половой сфере. С экранов исчезли красивые актрисы, потому что красота избранных женщин оскорбляет большинство женщин, которым она недоступна. Бесмысленные и разрушительные произведения искусства восхваляются и спонсируются. Мужчины становятся женщинами, и наоборот. На пике внимания ничем не примечательные, глупые люди, у которых миллионы подписчиков.

Войны ведутся через ложь, фейки и информацию. В подобной общественной парадигме невозможно творчество как акт по той простой причине, что творчество требует душевного и духовного развития как для создания, так и для его понимания. Возврат в мир творчества – это путь героя в прямом смысле. Ведь требуется пойти не просто против политической системы мировых сообществ, не просто против какой-то отдельной идеи, а против психологии массового человека.

Манифест нового направления

Предисловие

Постмодерн в последние годы деградировал до полной бессмысленности содержания. Смена культурной парадигмы назревала уже давно. Спецоперация на Украине стала тем разломом, который обозначил переломный момент не только в мировой политической системе, но и в культуре страны. Новая эпоха началась. И у этого начала уже образовалась определенная тенденция, включающая патриотизм, героизм, веру, социалистические настроения. Создать направление, которое включит всех нас, готовых строить новую культуру страны, – вот необходимость.

Перед нами стоит сложная задача: из тотального культурного упадка выйти на уровень исторических традиций величия творческих деятелей. Почему это сложно? Потому что десятилетиями формировался определенный уровень, на котором сегодня и происходит культурный процесс. Этот уровень принят за норму как теми, кто потребляет культуру, так и теми, кто ее создает и руководит ею. На этой отметке в минус тысячу нет идеологии, нет критериев, нет содержания и ценностей. Ведь одно дело – заменить классицизм импрессионизмом или импрессионизм сюрреализмом; и то,

и другое, и третье имеет под собой четкую парадигму движения. Другое дело – предложить обществу, отвыкшему от достижений, труда, усилий, имеющему единственный лозунг: «Никто никому не должен», цели, ценности, вектор.

Сила сегодня у тех, кто сможет предложить идею, кто укажет ориентиры. Это коллективный запрос, который пост-модернисты удовлетворить не в состоянии. Так же как не в состоянии удовлетворить и те, кто оглядывается на чуждые России ценности: западную иллюзию демократии, толерантность к различного рода искажениям психики, антихристианскую мораль вседозволенности, денежного идола и медиауспех.

Необходим манифест, который будет воплощать в себе ориентиры нового творчества, творчества, способного воспитать в народе дух единства, показать красоту и силу личности, задать планку духовного развития, творчества, который покажет глубину и вершины человеческого духа.

Манифестация культурного направления нужна для союза сил. По отклику на манифест становится ясно, кто с нами в одном потоке. Манифест необходим для создания собственного информационного поля, в котором звучат четкий посыл и ясные лозунги общего движения. На этот посыл и приходят СВОИ люди. Объединенные общим направлением, мы задаем вектор для общества в целом. Если у внутреннего врага есть лишь лозунги «против», есть общая ненависть и общая тоска по утраченному комфорту, то у нас есть лозунг «за», есть путь, по которому мы идем сами и приглашаем народ следовать за нами. Путь, проложенный смертями, героизмом, верой в жизнь, в правду, в новое будущее, начало которому положено на Донбассе.

Дело сейчас не в личном успехе каждого из нас, а в общественном движении за новую эпоху. Если бы импрессионисты выступили по одному, а не одним движением, смогли бы они заявить о себе громко? Если бы они не сформулиро-

вали основы нового направления, постулат о смысле своего творчества, смог бы один Сезанн выступить как глашатай новой культуры? Нам необходимо четкое направление, которое, с одной стороны, позволит каждому быть собой неповторимым, но и которое, с другой стороны, соберет мощь каждого из нас в один поток. А если оно вдохновит многих из нас, значит, через какое-то время появятся тексты – воплощение идей новой культуры. И мы лавиной хлынем в образовавшуюся сегодня брешь и сможем старый мир.

Манифест

Итак, название нового направления культуры – беизм, от старославянского «быть». Это фундаментальное понятие о жизни как таковой, о чистой правде бытия: пришел как есть, уйдет как был; это искренность перед миром, перед Богом, перед народом без лишних домыслов и конструкций ума.

Беизм – это правда жизни, правда сердца, правда народа.

Основные постулаты беизма и критерии творческого содержания

Жизненность. Наше творчество наполнено жизненной силой, потому что личность беиста – личность, переживающая за мир, за страну; личность, берущая на себя ответственность за смыслы эпохи.

Эмоциональность. Тексты беистов должны цеплять сильными чувствами, глубокими переживаниями, сложными общечеловеческими конфликтами. Взамен современных текстов, которые служат лишь арт-терапией самих авторов, рассказывающих о себе, боящихся подлинных переживаний.

Героизм. Нам нужны персонажи, которые станут ориентиром для народа.

Развитие. Сегодня одна из самых сложных задач творчества – показать возможности развития: человеческого сознания, психики, общества взамен отчаянию и бессмыслице, неверию и безнадежности произведений старого мира.

Правда. Нам открывать правду сердца, погребенную под лживыми конструкциями ума, фейковых инфопотоков, общественной парадигмы «свободы» для капиталистов. Вскрылась ложь мировых увещаний и взаимосвязей. Нам открывать правду общества. Нам открывать правду жизни.

Мы не забудем, что послужило началом новой эпохи – боль, смерть и жизненная сила Донбасса. Мы не забудем, кто дал нам дорогу к новым возможностям общества и культуры. Победы наших героев, смелость, выдержку и отвагу павших и живых на Донбассе нам воспевать в книгах и песнях, стихах и картинах. Их смерти служат жизни, их жизнь – в несмолкаемой песне о Герое.

«Я творю культуру России», – говорит беист и берет ответственность за качество и содержание собственных произведений в контексте истории вместо «творить может каждый», как говорили еще вчера, и каждый плодил произведения без оглядки на общественно значимые цели и ценности. Мы не боимся больших задач, мы ставим высокую планку для своих произведений и идем напролом в создании новой культуры.

Творит историю тот, кто творит смыслы, чьи произведения несут сильные чувства и вечные ценности: любовь, сострадание, человечность, силу духа, героизм, веру, правду, доброту и свет. Творить смыслы означает придавать чему-либо значимость, включать описываемое в общий контекст жизни и мира, находить цели, предназначение. Мы не знаем преград в поисках правды жизни.

Творчество безизма – о героях. Героическая психология отличается от психологии обыденного. В своей мотивации героическая личность исходит из высших потребностей (потребностей, направленных не на выживание и социальный успех, а на общественные, культурные и духовные достижения) и работы над общественно значимыми целями. Постмодерн уничтожал величие нашей истории, человека в принципе. Мы возвращаем величие и мощь человека. Мы пишем героев, которые станут ориентиром. Мы продолжаем великие традиции истории.

Служить народу, а не собственным амбициям. Мы расскажем народу о его возможностях, покажем его силу, красоту, богатство духа, чтобы русский человек мог гордиться собой. Хватит ставить народу заезженную пластинку про маргинальных алкоголиков, не знающих иного пути, кроме разрушения. Жители Донбасса в невыносимых условиях показали такую стойкость, жизненность, красоту духа, что уже стыдно творческим деятелям ныть про беспомощность человека, про его ничтожность и пороки. Великим писателям прошлых эпох трезвый взгляд на недостатки русского народа не мешал воспевать его величие.

Беисты за социальную правду! Правда в том, что каждый получает то, что заслуживает. Нам нужен мир, где люди могут опираться на свои таланты, знания, развитие, ценности, а не на количество денег и качество связей. Это мир всеобщих возможностей и строительства нашей страны общими усилиями взамен лживой свободы капитала. Капитализм сделал из творцов ремесленников, творящих «продукт» и «личный бренд». Беисты восстают против олигархической системы, которой сегодня полностью подчинена культура. Свободы развиваться и жить достойно нет ни у кого, кроме олигархов. Беисты за свободу созидать и строить!

Наше искусство воспеваает жизнь. Постмодерн был насмешкой над жизнью, мы же ее чтим и через свои произведения на жизнь вдохновляем. Наши произведения – о ценностях жизни, ее возможностях и открытиях.

Беизм – о правде сердца. Правда одна, и она в биении сердца. Мы живем в загрязненном пространстве инфомосора. Сегодня мы – информационная раса. Задействован наш разум, идет мощнейшая атака на структуру нашего сознания, мы бьемся на информационном поле словом – мы живем от ума, не от сердца. Вся ложь мира стала возможной потому, что ум все значимое для каждого способен низвести до незначительного, а незначительное – возвеличить. Люди устали от сложных, надуманных концепций новомодных движений. Они хотят правды – правды жизни, правды сердца, красоты души и ценностей духа. Мы им это дадим.

Личность беиста – инструмент, на котором создается произведение нового искусства. И личность должна быть полной знаний, глубоких и тонких переживаний, смелости на свершения и постановку смыслов. Взамен эгоцентричности «творцов» старого прозападного мира, свой куцый и комфортный опыт ставящих наравне с произведением искусства; взамен высосанных из пальца пустопорожних проблем собственной половой идентификации; взамен бессмысленного усложнения сюжета ради привлечения внимания; взамен надуманного шок-контента собственных извращенных фантазий.

Делом своим мы несем ответ перед страной, перед нашими великими предками и будущим русского народа. Мы творим историю своей страны сегодня для завтра, а значит, уважаем и чтим прошлое: древнюю Русь, имперскую Россию, СССР, постсоветскую РФ вместо постоянных оправданий и унижительного поклонения перед западными странами. Не зная и не любя своей истории – не найти собственного пути.